

УДК 811.512.221

DOI 10.51955/2312-1327_2021_3_44

НАНАЙСКИЙ ЯЗЫК В ГЕНЕТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

*Иннокентий Николаевич Новгородов,
orcid.org/0000-0002-9378-0987,
доктор филологических наук,
член диссертационного совета Д 003.076.01 на базе ФГБУН ФИЦ «ЯНЦ СО РАН»,
ул. Петровского, 1
Якутск, 677027, Россия
i.n.novgorodov@mail.ru*

*Любовь Жоржевна Заксор,
orcid.org/0000-0002-4218-363X,
кандидат филологических наук,
доцент института народов Севера РГПУ имени А.И. Герцена,
пр. Стачек, 30
Санкт-Петербург, 198097, Россия
zaksor@rambler.ru*

Аннотация. В статье обсуждается новая научная парадигма, обусловленная междисциплинарным исследованием, включающим современные достижения сравнительно-исторического языкознания и популяционной генетики. Так, в Германии был установлен устойчивый словарный фонд (The Leipzig-Jakarta list) в целях классификации сопоставляемых идиом, в которой будет учитываться как древовидная модель (дивергенция), так и факты заимствования языков (конвергенция). Данный подход используется в установлении классификационного статуса нанайского языка на базе изучения устойчивого словарного фонда и генетических данных. Исследование глаголов устойчивого словарного фонда, особенностей тунгусо-маньчжурских языков, учёт данных генетики маньчжуров и нанайцев, обзор процессов дивергенции и конвергенции (смещение, гибридизация) в сфере языка и идентичности на фоне вызовов глобализации и научно-технической революции современного мира, модернизации и трансформации традиционного общества позволяют сделать вывод о том, что нанайский язык в генетической классификации обнаруживает большую близость к близкородственным языкам (идиомам) эвенкийского и удэгейского, чем к маньчжурскому языку. Тем самым все таксоны эвенкийского, удэгейского и нанайского противопоставлены маньчжурскому. Это обстоятельство формирует положение о бинарной системе современных тунгусо-маньчжурских языков, в которой, с одной стороны, представлены таксоны эвенкийского, удэгейского и нанайского языков, с другой – маньчжурского языка.

Ключевые слова: генетическая классификация, компаративистика, популяционная генетика, устойчивый словарный фонд, гаплогруппа, тунгусо-маньчжурские языки и народы, нанайский язык.

THE NANAI LANGUAGE IN GENETIC CLASSIFICATION

Innokentiy N. Novgorodov,
orcid.org/0000-0002-9378-0987,
Doctor of Philological Sciences,
a member of specialized council for doctoral dissertations D 003.076.01 on the base of the Federal
Research Centre “The Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of
Sciences”,
Petrovsky st, 1
Yakutsk, 677027, Russia
i.n.novgorodov@mail.ru

Lyubov Z. Zaksor,
orcid.org/0000-0002-4218-363X,
Candidate of Philology,
Associate Professor of the Institute of Peoples of the North of the Russian State Pedagogical
University named after A.I. Herzen,
Stachek Ave., 30
St. Petersburg, 198097, Russia
zaksor@rambler.ru

Abstract. The article discusses a new scientific paradigm due to interdisciplinary research, including the modern achievements of comparative historical linguistics and population genetics. Thus, in Germany, the Leipzig-Jakarta list was established in order to classify the compared idioms, which will take into account both the tree model (divergence) and the facts of borrowing languages (convergence). This approach is used in establishing the classification status of the Nanai language based on the study of the Leipzig-Jakarta list and genetic data. The study of the verbs of the Leipzig-Jakarta list, the features of the Tungus-Manchu languages, taking into account the data of the genetics of the Manchus and Nanai, an overview of the processes of divergence and convergence (mixing, hybridization) in the field of language and identity against the background of the challenges of globalization and the scientific and technological revolution of the modern world, modernization and transformation of the traditional societies allow us to conclude that the Nanai language in genetic classification reveals a greater affinity to the closely related languages (idioms) of the Evenki and Udege than to the Manchu language. Thus, all taxa of the Evenki, Udege and Nanai are opposed to the Manchu. This circumstance forms the position on the binary system of modern Tungus-Manchu languages, which, on the one hand, includes taxa of the Evenki, Udege and Nanai languages, on the other hand, the Manchu language.

Key words: genetic classification, comparative studies, population genetics, stable vocabulary, haplogroup, Tungus-Manchu languages and peoples, Nanai language.

Introduction (Введение)

Статья продолжает ранее начатые исследования [Новгородов, 2021].

В статье обсуждается новая научная парадигма, обусловленная междисциплинарным исследованием, включающим современные достижения сравнительно-исторического языкознания и популяционной генетики. Так, в Германии был установлен устойчивый словарный фонд (The Leipzig-Jakarta list) [Tadmor, 2009, с. 55-75]. Данное достижение используется нами в целях классификации сопоставляемых идиом, в которой будет учитываться как древовидная модель (дивергенция), так и факты заимствования языков (конвергенция). Методологически факты дивергенции и конвергенции в сравнительно-историческом языкознании должны быть подкреплены материальными явлениями. Последние обнаруживаются в самом homo sapiens,

в его генотипе. Идеи в этом междисциплинарном направлении были изложены Б. Комри [Комри, 2000].

Авторы статьи обратились к теме статьи в целях апробации новой научной парадигмы, так как существуют различные взгляды лингвистов на место нанайского языка среди тунгусо-маньчжурских языков.

Прежде чем перейти к обсуждению вопроса, необходимо несколько слов сказать о коренных носителях нанайского языка.

Нанайцы (нан. *нанай*, *нани*, *хэдзэни*; кит. trad. 赫哲族, пиньинь *hèzhé zú*; устаревшее *гольды*) – коренной малочисленный народ Дальнего Востока, проживающий в основном на Нижнеамурской равнине, в предгорьях Сихотэ-Алиня и по рекам Амур, Урми, Кур и Горин в России и Китае. Нанайцы, проживающие в Китае, известны как *хэчже*. Согласно всероссийской переписи 2010 г. в Российской Федерации проживает 12003 нанайца. В Китае по данным переписи 2010 г. представлено 5354 *хэчже*, в основном в провинции Хэйлунцзян.

У народа практикуется шаманизм, а также распространено православие и буддизм. Традиционной хозяйственной деятельностью является охота и рыболовство. Для обеспечения этого вида деятельности используется собаководство.

Авторы „Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков“ выделяют в нанайском языке три говора: найхинский (нх.), кур-урмийский (к-у.) и бикинский (бк) [ССТМЯ, 1975, с. XXV].

Современные авторы выделяют три диалекта нанайского языка: верхнеамурский, среднеамурский и нижнеамурский; выделяемых по фонетическим признакам: 1) щелевой глухой, губно-губной *ɸ* верхнеамурского диалекта / *n* нижнеамурского; 2) глухая аффриката *ɟ* и звонкая *з* (*дз*) верхнеамурского и среднеамурского диалекта / *ч* и *ж* (*дж*) нижнеамурского; 3) начальное *ɲ* нижнеамурского / *n*, 0 (ноль звука) верхнеамурского и среднеамурского диалектов; 4) неметатизированные сочетания губных и заднеязычных согласных верхнеамурского диалекта *мг*, *бң*, *бг*, *фк* / *ңм*, *ңб*, *гб*, *кп* среднеамурского [Языки Мира, 1997, с. 188].

Верхнеамурский диалект состоит из: 1) правобережного амурского, сунгарийского говоров, распространённых на территории Северо-Восточной провинции Китая (около 1400 человек согласно переписи 1979 года); 2) бикинского (уссурийского) говора, распространённого в Пожарском, Яковлевском, Кировском, Чугуевском, Ольгинском районах Приморского края России (около 300 говорящих на говоре человек согласно переписи 1979 года); 3) кур-урмийского говора, ныне исчезнувшего (согласно сведений Л.Ж. Заксор), который был представлен в Хабаровском сельском районе Хабаровского края России, согласно переписи 1979 года было 250 говорящих на говоре человек [Языки Мира, 1997, с. 187].

Среднеамурский диалект состоит из сикачи-альянского, найхинского и джуенского говоров, распространённых в Хабаровском сельском, Нанайском районах Хабаровского края. В основу нанайского литературного языка положен найхинский говор среднеамурского диалекта [Языки Мира, 1997, с. 188].

Нижнеамурский диалект состоит из болонского, эконского и горинского говоров, распространённых в Солнечном, Комсомольском, Амурском, Ульчском районах Хабаровского края и Поронайском районе Сахалинской области России [Языки Мира, 1997, с. 188].

Общее число говорящих на среднеамурском и нижнеамурском диалектах было около 7500 человек согласно переписи 1979 года. Согласно переписи населения 2010 года нанайским языком владели 797 нанайцев.

Рассмотрим отечественные и зарубежные систематизации тунгусо-маньчжурских языков, в которых определяется место нанайского.

Более или менее полная систематизация тунгусо-маньчжурских языков стала возможной после того, как было осуществлено их научное описание в условиях СССР, когда осуществлялась грандиозная программа строительства коммунизма и приобщения к этому процессу народов Советского Союза, в том числе и тунгусо-маньчжуров.

Советский языковед В.И. Цинциус классифицирует тунгусо-маньчжурские языки на две группы: 1) северная группа: эвенкийский, эвенский, негидальский, солонский; 2) южная группа: маньчжурский, нанайский, ульчский, орокский, удэйский и ороцкий [Цинциус, 1949, с. 35].

Следует отметить, что на Западе Й. Бенцинг в своём труде “Die tungusischen Sprachen”, в основном, придерживается классификации В.И. Цинциус [Benzing, 1955, S. 9-10]. Сама В.И. Цинциус обоснованно и справедливо считает, что её классификация с учётом различных языковых признаков не имеет принципиального значения [Цинциус, 1949, с. 32, 33, 35]. Причём она подчёркивает: «Это деление не может в настоящее время быть подкреплено достаточными историко-этнографическими данными и поэтому имеет лишь вспомогательный характер» [Цинциус, 1949, с. 35]. Иными словами, систематизация тунгусо-маньчжурских языков должна иметь материальные обоснования согласно принципам сравнительно-исторического языкознания.

Г.М. Василевич выделяет северную группу тунгусо-маньчжурской группы языков, объединяющую языки эвенков, негидальцев, эвенов и солонов с онгкорами. В южную группу включаются языки нанайцев, ульчей, ороков, орочей, удэ и маньчжуров. Тунгусо-маньчжурские языки объединяются вместе с тюркскими и монгольскими языками в алтайскую языковую семью [Василевич, 1958, с. 643].

В. А. Аврорин выделяет три ветви тунгусо-маньчжурских языков: 1) северную (эвенкийский, солонский, эвенский, негидальский), 2) южную (нанайский, ульчский, орокский, удэйский и ороцкий) и 3) западную (маньчжурский язык с сибирским диалектом, чжурчженьский язык) [Аврорин, 1959, с. 3].

О.П. Суник подразделяет тунгусо-маньчжурские языки на две группы: 1) тунгусскую и 2) маньчжурскую (маньчжурский, чжурчженьский языки). Тунгусская группа подразделяется на две подгруппы: а) сибирскую: эвенкийский, солонский, негидальский, эвенский языки; б) приамурскую:

нанайский, ульчский, орокский, ороцкий, удэгейский языки [Суник, 1997, с. 154].

Японский тунгусо-маньчжурист Дз. Икегами классифицирует современные тунгусо-маньчжурские языки на четыре группы: I. Эвенкийский, солонский, негидальский, эвенский; II. Удэгейский, ороцкий; III. Нанайский, ульчский, ультский (ороцкий); IV. Маньчжурский [Ikegami, 1974, S. 271-272].

Г. Дёрфер много внимания уделяет классификации тунгусо-маньчжурских языков. Известны несколько его подходов.

В 1978 году лингвист выделил три ветви: 1) северную, включающую северо-восточную (эвенский, арманский) и северо-западную (эвенкийский (с орокенским), солонский (с орокенским), негидальский); 2) центральную, включающую восточно-центральную (ороцкий и удэгейский) и западно-центральную (кили, нанайский, ульчский, орокский); 3) южную, включающую маньчжурский и чжурчженьский [Doerfer, 1978].

В 1985 году Г. Дёрфер опубликовал монографию «Mongolo-Tungusica» [Doerfer, 1985]. В ней была представлена история тунгусо-маньчжурских языков (resp. нанайского языка). На основе анализа заимствованных монголизмов (содержащих тюркизмы) языковед выделяет пять периодов в 6 ареалах (W – западный диалект эвенкийского языка; E – восточный диалект эвенкийского языка; S – солонская группа (включающая эвенков, говорящих на восточно-эвенкийском в северо-западной Маньчжурии, ныне известной как Внутренняя Монголия); M – маньчжурский язык (включая чжурчженьский); Z – центральная группа или нанайско-удэгейская (удэгейский, ороцкий, кили (включая сунгарийский диалект), нанайский, ульчский, орокский, негидальский (включая сунгарийский диалект, который относится к восточно-эвенкийскому)); L – эвенская группа) [Doerfer, 1985, S. 11-12]:

I. Неопределенный – общетунгусо-маньчжурское состояние: WESMZL; отсутствует влияние тюркских языков на монгольские;

II. 3 век н.э. включительно – разделение на северную (W/E/S/Z/L) и южную (M) группы; происхождение центральной группы Z в результате смешения (конвергенции) W/E/S/Z/L и M (Z: удэгейский, ороцкий, (витимский, олёмминский, токкинский, тунгирский говоры восточно-эвенкийского) от W/E/S/Z/L и Z: нанайский, ульчский (айанский, майинский, сахалинский, тоттинский, чумиканский говоры восточно-эвенкийского) от M); начинается тюркско-монгольское взаимодействие;

III. 5 – 11 века н.э. – разделение северной группы на солонскую группу (S) и западно-восточно-эвенкийско-эвенскую группу (W/E/L); разделение на Z: удэгейский, ороцкий и Z: нанайский, ульчский, (айанский, майинский, сахалинский, тоттинский, чумиканский говоры восточно-эвенкийского), (витимский, олёмминский, токкинский, тунгирский говоры восточно-эвенкийского); влияние солонского на Z: нанайский, ульчский, (айанский, майинский, сахалинский, тоттинский, чумиканский говоры восточно-эвенкийского), (витимский, олёмминский, токкинский, тунгирский говоры восточно-эвенкийского); влияние маньчжурского на Z: удэгейский, ороцкий; смешение (конвергенция) маньчжурского с Z: нанайским, ульчским, (айанским,

майинским, сахалинским, тоттинским, чумиканским говорами восточно-эвенкийского), (витимским, олёмминским, токкинским, тунгирским говорами восточно-эвенкийского); влияние монгольского на W/E/L, S, M; тюркско-монгольское взаимодействие продолжается;

IV. 12 – 16 века н.э. – разделение восточно-эвенкийского группы (E) на западноэвенкийский (W) и эвенкий язык (L); происходит влияние маньчжурского (M) на а) солонскую группу (S), б) кили (включая сунгарийский диалект), нанайский, ульчский, орокский, при влиянии восточно-эвенкийского на кили (включая сунгарийский диалект) и орокский (Z), в) удэгейский, ороцкий (Z); происходит влияние монгольских языков на тюркские;

V. С 17 века н.э. вплоть до настоящего времени. С точки зрения Г. Дёрфера, вследствие якутского вторжения в 16 веке остались только восточноэвенкийские (E) и эвенские (L) слабые географические контакты [Doerfer, 1985, S. 11-12, 279-283, 296-297].

С точки зрения Г. Дёрфера в центральную группу (Z) тунгусо-маньчжурских языков монголизмы проникали при посредстве южных (маньчжурского) (M) и северных (эвенкийского) языков (E/S), причём прямых связей монгольских языков с центральной группой (Z) не было [Doerfer, 1985, S. 294; Дёрфер, 1981, с. 43].

И.В. Кормушин представил обзор классификаций и сравнительно-исторического исследования тунгусо-маньчжурских языков [Кормушин, 1982, с. 153-167]. Взяв за основу реконструируемые фонемы пратунгусо-маньчжурского праязыка: $*p^x$ -, $*k^h$ -, $*-g$ -, $*u$ и их отражение в современных языках, И.В. Кормушин предложил классификацию в виде двух ветвей: в одной («гуттуральной», или северной) – эвенкийский, эвенский, солонский, негидальский, ороцкий, удэгейский и во второй («лабиальной», или южной) – маньчжурский, нанайский, ульчский, орокский [Кормушин, 1982, с. 160, 161].

И.В. Кормушин, основываясь на фонетической (отсутствие интервокального $-g$ - (южный тип)) и морфологических (склонение северного типа при изменении глагола по южному типу) особенностях, выдвинул идею о том, что удэгейский и ороцкий языки в своей основе являются языками северной группы и их смешанном характере происхождения [Кормушин, 1982, с. 160, 161]. Иными словами, здесь мы имеем дело с образованием языковых гибридов.

Ранее отмечалось утверждение Г. Дёрфера о том, что нанайский, ульчский, орокский, ороцкий, удэгейский языки возникли в результате конвергенции северной и южной групп [Doerfer, 1985, S. 279].

Мнение И.В. Кормушина в оценке идей Г. Дёрфера основывается на работе: Gerhard Doerfer. Classification problems of Tungus [Doerfer, 1978]). И.В. Кормушин утверждает, что Г. Дёрфер придерживается мнения о расщеплении пратунгусского языка на две ветви, а затем из второй ветви отошла третья, представленная маньчжурским и чжурчженьским языками. И положение не меняет заявление Г. Дёрфера о том, что третья ветвь имеет много инноваций, и потому вторая по числу архаизмов оказывается ближе к первой ветви [Кормушин, 1982, с. 159].

А.В. Вовин на базе списка М. Сводеша считает, что пратунгусо-маньчжурский распался на маньчжурскую и тунгусскую ветви. Последняя является промежуточной, которая распалась на эвенский, западнотунгусский и восточнотунгусский. Из западнотунгусского выделились солонский и негидальскоэвенкийский, распавшийся на негидальский и эвенкийский. Из восточнотунгусского образовались, с одной стороны, удэгейский и ороцкий, с другой – ороксонанайский. Из него выделились орокский и нанайский языки. Нанайский распался на собственно нанайский и ульчский [Vovin, 1993]. Примечательно, что автор классифицирует современные тунгусо-маньчжурские языки.

Л. Уэйли, Л. Гренобль и Ф. Ли предприняли попытку обзора современных взглядов по классификации тунгусо-маньчжурских языков в связи с уточнением места орокенского языка, носители которого проживают в Китае [Lindsay et al., 1999].

Лингвисты принимают за основу классификацию Г. Дёрфера 1978 года [Doerfer, 1978]. Как известно, тогда Г. Дёрфер включал орокенский в состав двух языков: эвенкийского и солонского. В конечном итоге настоящая проблема, пишут авторы, заключается в том, что тунгусо-маньчжурские языки или, по крайней мере, значительная их часть, не поддаются классификации с использованием древовидной модели.

Тем не менее в статье 2009 года Ф. Ли и Л. Уэйли уточняют классификацию Г. Дёрфера и выделяют орокенский из состава эвенкийского и солонского языков. Авторы вслед за Г. Дёрфером также выделяют три группы тунгусо-маньчжурских языков: 1) северную, включающую подгруппы: северо-восточную (эвенский, арманский) и северо-западную (эвенкийский, солонский, негидальский, орокенский); 2) центральную, включающую подгруппы: восточно-центральную (ороцкий и удэгейский) и западно-центральную (кили, нанайский, ульчский, орокский); 3) южную, включающую маньчжурский и чжурчженьский языки [Fengxiang et al., 2009].

С. Георг считает, что пратунгусо-маньчжурский распался на южную и северную ветви. Первая разделилась на чжурчженьско-маньчжурский и нанайский, в то время как вторая – на удэгейско-ороцкий и эвено-эвенкийский языки. Автор обнаруживает влияние нанайского на удэгейско-ороцкий язык. Классификация составлена на основе реконструируемых фонетических признаков: **p*-, **k*-, **i*-, **ü*-, **u*². [Georg, 2004, p. 55].

М. Роббитс придерживается мнения о том, что тунгусо-маньчжурский праязык разделился на две ветви. В первой помещается чжурчженьский и маньчжурский языки, последний обладает сибирским диалектом. Вторая ветвь состоит из южного и северного ответвлений. Южное представлено восточными: ороцким, удэгейским и западными: нанайским, кили, ульчским и орокским языками. В северном обнаруживаются также восточные: эвенский, арманский и западные: эвенкийский, орокенский, солонский, негидальский языки. В классификации представлена временная шкала образования тунгусо-маньчжурских языков, начиная с 220 года н.э. и по настоящее время [Robbeets, 2015, p. 18]

Идея того, что тунгусо-маньчжурский праязык перестал существовать примерно две тысячи лет назад (в гуннское время) где-то в бассейне Среднего Амура, развивается А.М. Певновым. С его точки зрения, первоначально праязык разделился на две ветви: северную и южную. От южной произошли чжурчжэньский, маньчжурский и сибирский языки, от северной – все остальные. Через какое-то время северная ветвь разделилась на три группы: амурско-сахалинскую (к ней относятся нанайский, ульчский и орокский), сихотэ-алинскую (в неё входят ороцкий и удэгейский) и тунгусскую (эвенкийский, эвенский, арманский, негидальский, солонский, ороцкий, хамниганский). Некоторые из этих языков уже не существуют (чжурчжэньский, арманский) [Певнов, 2019, с. 194].

Таким образом, лингвисты в России и на Западе различным образом понимают классификацию тунгусо-маньчжурских языков, а следовательно и место нанайского языка в ней. Нанайский язык относится либо к южной группе, либо к северной, а также не исключается его помещение, с одной стороны, в центральную группу, с другой – в отдельную группу наряду с ульчским и орокским. Установлено, что маньчжурский и эвенкийский языки занимают различные, а в целом ряде современных случаев и крайние противоположные места в систематизациях тунгусо-маньчжурских языков как учёных России, так и на Западе. Возникает также вопрос: пратунгусо-маньчжурский язык дивергировал на две группы или более. В последнем случае имеются в виду подход В.А. Аврорина, Дз. Икегами. Кроме того, обсуждается и взгляд Г. Дёрфера, согласно которому центральные тунгусо-маньчжурские языки возникли в результате смешения южных и северных общностей. Наконец совершенно очевидно, что современные тунгусо-маньчжурские языки подразделяются на четыре таксона: маньчжурский, эвенкийский, нанайский и удэгейский.

На наш взгляд, причина столь различного понимания лингвистами места нанайского языка в системе тунгусо-маньчжурских языков predetermined с одной стороны, переоценкой процессов дивергенции, с другой – недооценкой конвергенции. В последнем случае инновационными являются идеи И.В. Кормушина и Г. Дёрфера. С их идеей перекликается сомнение Л. Уэйли, Л. Гренобль и Ф. Ли в дивергентном подходе в систематизации тунгусо-маньчжурских языков.

Для решения вопроса о месте нанайского языка мы обратились к современным подходам, изложенным Б. Комри [Комри, 2000] и реализованным по отношению к современным языкам алтайской общности коренных народов Якутии [Novgorodov et al., 2020; Новгородов, 2021]: устойчивый словарный фонд (The Leipzig-Jakarta list) и генетический анализ современных популяций *homo sapiens*.

Materials and methods (Материалы и методы)

Из устойчивого словарного фонда интерес представляют глаголы, так как они менее подвержены иноязычному влиянию чем имена.

Так как устойчивый словарный фонд нанайского языка не опубликован, то ниже мы представим его в виде глаголов в говорах трёх диалектов. В статье представлен материал кур-урмийского (к-у) и бикинского (бк) говоров верхнеамурского диалекта, найхинского (нх) говора среднеамурского диалекта, горинского (гор) говора нижнеамурского диалекта.

Авторы выражают благодарность Самар Раисе Александровне за предоставление материалов по горинскому говору нижнеамурского диалекта нанайского языка. Указанный говор представлен в селе Кондон Солнечного района Хабаровского Края. Другие материалы позаимствованы из «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков».

Цифра 7 является порядковым номером пункта устойчивого словарного фонда; to bite – значением пункта на английском языке; ‘кусать’ – значением слова на русском языке; 4.58 – идентификационным номером списка базы данных «World loan word» по конкретной тематической группе, которая доступна по адресу [<http://wold.clld.org/meaning>]; сэкиэн- – формой нанайского слова; ССТМЯ – сокращением „Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков“ (далее Словарь), в котором фиксируются лексические параллели изучаемого слова. Синонимы нанайского языка выделены римскими цифрами. Знак вопроса означает то, что лексическая параллель не обнаружена в конкретном языке.

В статье используется сравнительный метод. Нанайский материал сравнивается с современными основными идиомами (языки, включающие данные по разнообразным наречиям, диалектам и говорам) тунгусо-маньчжурских таксонов: эвенкийским (эвенк.), маньчжурским (ма.) – главные противоположности, и удэгейским (уд.).

Ранее на основе классификаций сравнительным методом были установлены фонетические соответствия и морфологические особенности тунгусо-маньчжурских языков, которые были изложены в трудах В.И. Цинциус, Й. Бенцинга [Цинциус, 1949; Benzing, 1955].

В некоторых случаях к параллелям приводятся комментарии. В одних случаях они обусловлены обоснованием сравнения слов родственных языков, в других – отношением авторов этих строк к характеру связей языков алтайской общности, проявляющихся в лексических параллелях, на основании которых сторонники алтайской гипотезы обнаруживают «закономерные» фонетические соответствия.

7 to bite ‘кусать’ 4.58 сэкиэн- нх, сэпкэн-, сэфкэн- бк, сэпкэнэ- к-у, сэккэн- гор, ср.: эвенк. сэпкэ- ‘схватить’, ма. сэкэ- ‘клевать (о рыбе)’, уд. сэкиэнэ- ‘клевать (о рыбе)’ [ССТМЯ, 1977, с. 144];

11 to blow ‘дуть (о ветре)’ (intransitive) 10.38 хэдун- нх, хэдундэ- бк, эжинэ- к-у, хэдун- гор, ср. эвенк. эдил- ‘подуть (о ветре)’, эдин- ‘дуть (о ветре)’, ма. эду- ‘дуть (о ветре)’, уд. эдили- ‘подуть (о ветре)’ [ССТМЯ, 1977, с. 438];

14 to burn (intransitive) ‘гореть’ 1.852 жэгдэ- нх, бк, к-у, гор, ср. эвенк жэгдэ- id., ма. дэжйи- ‘жечь, топить (печь)’, уд. жэгдэ- ‘гореть’ [ССТМЯ, 1975, с. 281];

15 to carry 'нести' 10.61 олбин- нх, бк, гор, ср. эвенк. ? ма. ? уд. ? [ССТМЯ, 1977, с. 12];

17 to come 'приходить' 10.48 I. эмэ- к-у, ср. эвенк. эмэ- id., ма. ?, уд. эмэ- id. [ССТМЯ, 1977, с. 452]; II. *жйжй*- нх, бк, *жидэ*- бк, *жи*- гор, ср. эвенк. ?, ма. *жи*- id., уд. ? [ССТМЯ, 1975, с. 255];

18 to crush/to grind 'давить; дробить/молоть' 5.56 I. *дуску*- бк 'толочь в ступе', 'молоть в порошок', *дуску* бк 'пест', *дүту*- нх, гор 'молоть для получения черемуховой муки (на жерновах)', *дүту* нх, *дүтун* гор 'лепешка', ср. эвенк. *дуу*- 'бить, колотить, ударять', 'разбивать', *дуктэ*- 'толочь, долбить', *дуктэвун* 'ступка', *дуктэңки* 'пест', ма. *ду*-, *дү*- 'бить, колотить (палкой)', 'молотить хлеб (цепом)', *дуку*, *дүку* 'колотушка, молот', 'цеп, молотило', уд. *дуктэ*- 'бить' [ССТМЯ, 1975, с. 219]; II. *нүчику*- нх, гор *нутку*- диал. 'толочь в ступе (в порошок)', *нүчику* нх, гор *нутку* диал. 'пест', ср. эвенк. ?, ма. ?, уд. ? [ССТМЯ, 1975, с. 613]; III. *худи*- 'молоть для получения муки (на жерновах)' гор, ср. эвенк. ? ма. ? уд. ?

I. *дуску*- бк 'толочь в ступе', 'молоть в порошок', *дуску* бк 'пест' и *дүту*- нх, гор 'молоть для получения черемуховой муки', *дүту* нх, *дүтун* гор 'лепешка' на первый взгляд не соотносятся. Однако есть вероятность их сближения, если допустить, например, что *дуску*- возникло из **дуксу*- 'бить'. В последней форме согласный **к* выпадает через ступень сонанта **у* и форма глагола стала выступать со вторичной долготой гласного: **дүсу*-. В дальнейшем происходит трансформация щелевого звука в смычный и возникает форма *дүту*-. Трансформация глагола *дуску*- (< **дуксу*-) в *дүту*- скорее всего аналогична глаголу *тукса*- 'бежать' > *тус(а)*- > *тут(а)*- 'бежать': нан. *туту*- нх, конд, гор, *туцэлэ*- (< ульч. *туча*- < **тута*-) бк 'бежать рысью', ср. эвенк. *тукса*-, *туһа*- 'бежать' (сол. *тутэ*- 'бежать', эвен. *тут*- 'бежать', *тус*- 'бежать медленной рысью'), ма. ? уд. *туту*-, *тукеә*- 'бежать' [ССТМЯ, 1977, с. 208, 223].

II. *нүчику*- нх, гор, *нутку*- диал. 'толочь в ступе (в порошок)', *нүчику* нх, гор, *нутку* диал. 'пест' ни имеет параллелей в эвенкийском, маньчжурском и удэгейском. Между тем авторы Словаря обнаружили монгольскую параллель: м.-п. *nidü*- 'толочь, измельчать'. Г. Дёрфер утверждает, что в нанайском нет прямых заимствований из монгольского. Монголизмы в нанайский язык проникают из эвенкийского или маньчжурского [Дёрфер, 1981, с. 43]. Однако в данном случае в нанайском представлено прямое монгольское заимствование: м.-п. *nidü*-, монг., калм. *нүд*-, бур. *нүдэ*-, орд. *нүдү*-, бао. *нэдэ*-, даг. *нүдэ*- (*нидэ*-), дунс. *нүдү*- 'толочь, растирать' (< *монг. *nidur*- 'бить (кулаком)' < *монг. *nidurya* 'кулак' < др.-тюрк. *judruk* id. [Щербак, 1997, с. 125]) [ЭСМЯ, 2015, с. 197] > нан. **нут*- > **нутикү*- (ср. эвенк. *-ки* образует переходный глагол [Василевич, 1958, с. 761]) > *нүчику*- 'толочь в ступе (в порошок)'; м.-п. *nidü*-, монг., калм. *нүд*- 'толочь, растирать' > нан. **нут*- > *нутку*- диал. 'толочь в ступе (в порошок)' (ср. эвенк. *-ки* образует переходный глагол [Василевич, 1958, с. 761]). Проанализированные глаголы подвергают сомнению идею

Г. Дёрфера об отсутствии прямых монгольских заимствований в нанайском языке, и в целом, его классификацию.

19 to cry/to weep ‘плакать’ 16.37 *соңго-* нх, бк, *соңго-*, *соңо-* к-у, *соңго-* гор, ср. эвенк. *соңо-* id., ма. *соңго-* id., уд. *соңо-* id. [ССТМЯ, 1977, с. 111];

Эвенкийский глагол проник в якутский язык: *соһоо-* ‘плакать’.

20 to do/to make ‘делать’ 9.11 I. *оҕи-* нх, *ода-* к-у, ср. эвенк. *о-* ‘сделать’, ма. *о-* ‘сделаться, стать’, ‘быть’, уд. *о-*, *о-* ‘сделать’ [ССТМЯ, 1977, с. 4]; II. *та-* нх, к-у, гор, ср. эвенк. ?, ма. *тафурша-* ‘усердствовать, трудиться усердно’, уд. ? [ССТМЯ, 1977, с. 148];

22 to drink ‘пить’ 5.13 *оми-* нх, бк, гор, ср. эвенк. *ум-* id., ма. *оми-* id., уд. *уми-* id. [ССТМЯ, 1977, с. 266];

Авторы Словаря и С.А. Старостин привлекали монгольский материал: м.-п. *umda*, *unda*, калм. *undv*, *undn* ‘жажда; напиток’, м.-п. *undayas-*, *undas-* ‘испытывать жажду’ для реконструкции праалтайского корня **ümt-* ‘пить’ [Старостин, 1991, с. 70]. Однако монгольские реконструированные формы не могут содержать корневой огубленный согласный *-m-*, поскольку он возник довольно поздно под влиянием начального огубленного гласного *u-*, ср. ср.-монг. *undus-*, дунс. *undasu-*, калм. *undas-*, монг. *undās-*, мнгр. *ndase-* < **undayas-* ‘испытывать жажду’ [Щербак, 1997, с. 89]. На самом деле, в монгольском праязыке глагол со значением ‘пить’ реконструируется в виде **ууи-* и в нём нет огубленного согласного *m* [Клоусон, 1969, с. 34; Щербак, 1997, с. 89;]. Кроме того, м.-п. *umda*, *unda*, калм. *undv*, *undn* ‘жажда; напиток’ проникло в якутский язык, ср. *ымдаан* ‘кислое питье’, *умдаан*, *ундан* ‘кислое молоко’ и в одной из словоформ не обнаруживается огубленный согласный, что свидетельствует о её позднем происхождении.

24 to eat ‘есть, кушать’ 5.11 *эб-/н-* нх, *эптэ-*, *эфтэ-*, *эф-*, *эфэндэ-* бк, *эфу-* к-у, *эб-* гор, ср. эвенк. *эб-* id., ма. *э-*, *эфу-*, *экэ-*, *этэрэ-*, *эи-* id. сиб, уд. *э-*, *эо-*, *эп-тэ-* id. [ССТМЯ, 1975, с. 279];

Авторы Словаря сравнивают глагол с древнетюркским *je-* ‘есть, кушать’ и якутским *сиэ-* id. Однако тюркские и тунгусо-маньчжурские глаголы восходят к разным архетипам и не имеют ничего общего: *тюрк. *ǰā-* [Щербак, 1970, с. 196] и *т.-ма. *ǰāp-* [Benzing, 1955, S. 34] ‘есть, кушать’.

27 to fall ‘падать’ 10.23 *ту-* нх, бк, гор, *тики-* к-у, *ту-*, *туву-* гор, ср. эвенк. *тик-*, ма. *тухэ-*, уд. *тиңмэ-* id. [ССТМЯ, 1977, с. 177];

33 to give ‘давать’ 11.21 *бу-* нх, бк, к-у, гор, ср. эвенк. *бу-* id., ма. *бу-* id., уд. *бу-* id. [ССТМЯ, 1975, с. 99];

34 to go ‘идти’ 10.47 I. *энэ-* нх, к-у, гор, ср. эвенк. *ңэнэ-*, *гэнэ-* id., ма. *гэнэ-* id., уд. *ңэнэ-* id. [ССТМЯ, 1975, с. 669]; II. *пулси-* нх, *хули-* к-у, *фули-*, *фулси-* бк, к-у, ср. эвенк. *һэлдэ-* ‘передвигаться, ехать, бродить’, ма. *фэл’э-* ‘идти, прохаживаться’, ‘шагать, ступать’, уд. *хули-(һи-)* ‘ходить, бродить’ [ССТМЯ, 1977, с. 363];

I. *энэ-* нх, к-у, гор, ср. эвенк. *ңэнэ-*, *гэнэ-* id., ма. *гэнэ-* id., уд. *ңэнэ-* id. согласно авторам Словаря параллельно нивх. *һың-дь* ‘ходить, бродить, двигаться, перемещаться’. Е.А. Крейнович обнаруживает тунгусо-

маньчжурские заимствования в нивхском языке, однако среди них отсутствует нивх. *ның-дь* ‘ходить’ в качестве тунгусо-маньчжуризма [Крейнович, 1955]. Обратное заимствование из нивхского языка в тунгусо-маньчжурские языки, например, эвенкийского глагола *ңэнэ-* ‘идти’ маловероятно. В данном случае скорее всего имеется случайное сходство.

39 to hear ‘слышать’ 15.41 *дол̄ж̄и-* нх, бк, гор, *дол̄жи-* к-у, ср. эвенк. *дол̄ж̄и-* id., ма. *дон̄жи-* id., уд. *догди-* id. [ССТМЯ, 1975, с. 214];

41 to hide (transitive) ‘прятать’ 12.27 *жаја-* нх, к-у, гор, *жају-* бк, ср. эвенк. *жаја-* id., ма. ? уд. *жаә-* id. [ССТМЯ, 1975, с. 243];

42 to hit/to beat ‘бить, ударять’ 9.21 I. *ду-* нх, *дуктэ-* нх, бк, гор, ср. эвенк. *дуу-* ‘бить, колотить, ударять’, ‘разбивать’, *дуктэ-* ‘толочь, долбить’, ма. *ду-*, *ду-* ‘бить, колотить (палкой)’, ‘молотить хлеб (цепом)’, уд. *дуктэ-* ‘бить’ [ССТМЯ, 1975, с. 219]; II. *начила-* нх, гор, *фачила-* бк < *пачи* ‘колотушка’, ср. эвенк. ? (нег. *п̄ати* ‘колотушка’ (< ульч. *п̄ати* id.)), эвен. *пату-* ‘бить, ударять (причём слышны не резкие звуки ударов, а мягкие, например, биение капель дождя о покров чума или палатки)’ (< орок. *патчу-* ‘бить, хлопать ладонями’), *патул-* ‘начать бить’ [ЭРС, 2005, с. 233]), ма. ? уд. *пактан-* ‘ударять каким-либо предметом’ [ССТМЯ, 1977, с. 35];

48 to know ‘знать’ 17.17 *са-* нх, бк, к-у, гор, ср. эвенк. *са-* id., ма. *са-* id., уд. *са-* id. [ССТМЯ, 1977, с. 50];

Авторы Словаря сравнивают глагол с древнетюркским *san-* ‘считать’, ‘думать’ и монгольским *sana-* ‘думать’ (> як. *санаа-* id.).

Тюркский глагол образовался от праформы **sā* - ‘считать, подсчитывать’; в то время как монгольский глагол является тюркизмом [Щербак, 2005, с. 37, 88]. Происхождение **т.-ма са-* ‘знать’ и **тюрк. sā* - ‘считать, подсчитывать’ различно, так как долгота гласного в открытом слоге односложного слова в тунгусо-маньчжурских языках является фонологической, ср. *бу-* ‘умирать’ и *бу-* ‘давать’; в тюркском праязыке в этой позиции восстанавливаются первичные долгие гласные (но не краткие !), возникшие из слоговых акцентов.

49 to laugh ‘смеяться’ 16.25 *инэктэ-*, *ин’эктэ-* нх, бк, к-у, гор, ср. эвенк. *ин’эктэ-* ‘смеяться, хохотать’, *ин’э-* ‘смеяться’, ма. *ин̄жэ-* id., уд. *ин’э-* id. [ССТМЯ, 1975, с. 319];

Тунгусо-маньчжурский глагол *инэ-* ‘смеяться’ является монголизмом: м.-п. *inije-* id. [Doerfer, 1985, S. 23].

69 to run (intransitive) ‘бежать’ 10.46 *туту-* нх, гор, *туцэлэ-* бк ‘бежать рысью’, ср. эвенк. *тукса-*, *туһа-* ‘бежать’ (сол. *тутэ-* ‘бежать’, эвен. *тут-* ‘бежать’, *тус-* ‘бежать медленной рысью’), ма. ? уд. *туту-*, *тукеә-* ‘бежать’ [ССТМЯ, 1977, с. 208, 223];

72 to say ‘говорить’ 18.22 *ун-* нх, бк, к-у, гор, ср. эвенк. *гун-* id., ма. *гуни-* (сиб. *гони-*) ‘думать, обдумывать’, уд. *гун-* ‘говорить’ [ССТМЯ, 1975, с. 171];

Монгольский глагол, представленный м.-п. *ge-* ‘говорить, сказать’ в качестве параллели эвенк. *гун-* id. etc., согласно идей авторов Словаря едва ли восходит к алтайскому праязыку, так как не имеет ничего общего в праформах: **монг. ge-* [Щербак, 1997, с. 74] и **т.-ма. г̄он-* [Benzing, 1955, S. 24] ‘говорить’.

73 to see ‘видеть’ 15.51 *ичэ-* нх, к-у, гор, *ицэ-* бк, ср. эвенк. *ичэ-*, *ис’э-* id., ма. ? уд. *исэ-* id. [ССТМЯ, 1975, с. 334];

79 to stand ‘стоять’ 12.15 *илиси-* нх, гор, *илчи-* к-у, ср. эвенк. *ил-*, *илит-* id., ма. *или-* ‘встать, подняться (на ноги)’, ‘остановиться’, *илича-* ‘стоять, останавливаться’, уд. *или-* ‘вставать’ [ССТМЯ, 1975, с. 302];

82 to suck ‘сосать (грудь)’ 5.16 *кӯчи-* нх, бк, гор (< *кӯ* ‘грудь (женская)’), *уку-* к-у, ср. эвенк. *уку-* id., *укун* ‘грудь (женская)’, ма. *кукулэ-* ‘припаривать грудинкой рану (для извлечения яда)’, *хухун* ‘грудь (женская)’, уд. *кос’о-* ‘сосать (грудь)’, ‘грудь женская’, *осо* ‘грудь (женская)’ [ССТМЯ, 1977, с. 254];

Эвенк. *уку-* ‘сосать’ и *укун* ‘грудь (женская)’ возникли из монгольских форм, например, м.-п. *köke(n)* ‘грудь (женская)’, ‘сосок’ и м.-п.: *kökī-*, монг. *хөхө-*, бур. *хүхэ-* ‘сосать’. Отсутствие монгольского начального глухого согласного *k-* в эвенк. *укун* ‘грудь (женская)’ скорее всего отражает особенности монгольского языка, в котором указанный звук выпал [Porre, 1955, p. 134]. Г. Дёрфер считает ма. *хухун* ‘грудь (женская)’ монголизмом и подвергает сомнению параллелизм уд. *кос’о-* ‘сосать (грудь)’, ‘грудь женская’, *осо* ‘грудь (женская)’ монгольскому слову [Doerfer, 1985, S. 142].

85 to take ‘брать, взять’ 11.13 *жапа-* нх, гор, *жао-* к-у, *жаваси-*, *жафчи-* бк, ср. эвенк. *жава-* ‘схватить’, ‘взяться за что-либо’, ма. *жафа-* ‘брать’, ‘хватать, ловить’, уд. *жава-* ‘взять’ [ССТМЯ, 1975, с. 241];

Эвенк. *жава-* ‘схватить’, ‘взяться за что-либо’ etc. согласно авторам Словаря параллельно кор. *чан-та* ‘брать’, ‘ловить’. Действительно, в истории тунгусо-маньчжурских языков обнаруживают связи с корейским языком, что обусловлено их географической смежностью [Ki-moon Lee, 1991; Vovin, 2006; Vovin, 2007]. Однако в случае эвенк. *жава-* ‘схватить’, ‘взяться за что-либо’ etc. и кор. *чан-та* ‘брать’, ‘ловить’ сходство скорее всего случайное, так как тунгусо-маньчжурское слово обладает открытым слогом, а в корейском отсутствует эта характеристика.

89 to tie ‘завязывать’ 9.16 *хэркэ-* нх, бк, гор, *хэрин-* бк, *хэткэ-* к-у, ср. эвенк. *хэркэ-* id., ма. *хэрги-* ‘наматывать нитки’, ‘кружиться (о птице)’, ‘обходить кругом’, уд. *хэкэ-* ‘связать, завязать, привязать’ [ССТМЯ, 1977, с. 369];

Авторы Словаря эвенк. *хэркэ-* ‘связывать, завязывать’ etc. сравнивают с монгольскими данными: ср.-м. *hergi-* и м.-п. *ergi-* ‘кружиться’. Очевидно, что тунгусо-маньчжурские слова являются монголизмами, так же как и якутское *эргий-* id. [Doerfer, 1985, S. 72].

Генетическое изучение нанайцев было осуществлено и его результаты представлены в публикациях [Богунов и др., 2018; Xue et al., 2005].

Discussion (Дискуссия)

В данном обсуждении мы обратим внимание на отнесение нанайского языка либо к южной, либо к северной тунгусо-маньчжурской общности. Вопрос распада тунгусо-маньчжурского праязыка на три и более группы (ср. классификации В.А. Аврорина, Дз. Икегами), происхождение центральной группы (ср. классификация Г. Дёрфера) нами обсуждается в зависимости от

решения бинарности или многочленности тунгусо-маньчжурской языковой классификации.

Сравнение глаголов устойчивого словарного фонда убедительно свидетельствуют о большем сходстве и близости нанайского и эвенкийского чем нанайского и маньчжурского. Об этом свидетельствует подавляющее количественное большинство нанайских глаголов, имеющих большее качественное сходство в прямой фонетическо-семантической аналогии с эвенкийскими параллелями: №№ 14, 33, 39, 41, 48, 49, 73, 89 (причём маньчжурские параллели не обнаружены в №№: 41, 73), чем с маньчжурскими № 22 (при имеющейся эвенкийской параллели!), а именно в виде соотношения восемь против одного. Это значит, что в недрах нанайского языка происходит действие закономерностей и тенденций, больше связанных с эвенкийским языком чем с маньчжурским.

№ 22 свидетельствует о маньчжурском влиянии на нанайский язык.

Об этом влиянии свидетельствует и № 17, в котором обнаруживается синоним: с одной стороны, имеющий большее сходство с эвенкийскими, с другой – с маньчжурскими данными.

Также о влиянии маньчжурского языка на нанайский свидетельствует наличие различающихся во внешнем облике форм №№: 24, 27, 82, 85, представленных в говорах, и которые в одних случаях более близки к эвенкийским, в других – к маньчжурским.

Яркими фонетическими особенностями маньчжурского языка являются: 1) глухой щелевой согласный *ϕ*; 2) вторичная долгота гласного или её отсутствие на месте выпавшего сонанта **γ* тунгусо-маньчжурского праязыка. Влияние маньчжурского на нанайский обнаруживается в этих явлениях, представленных в №№ 7, 18 (*дӯту-*), 34, 42, 85, в которых имеется глухой щелевой согласный *ϕ* на месте глухого смычного *n* или звонкого щелевого *в*, а также вторичная долгота гласного. Наибольшее влияние маньчжурского выявляется в верхнеамурском диалекте.

Нанайский язык проявляет свою фонетико-морфологическую (ср. №№ 11, 18 (*нӯчику-*), 20, 72, 79) и лексическую (№ 15), специфику, отличающую его от маньчжурского, эвенкийского и удэгейского.

Примечательно, что подавляющее большинство удэгейских глаголов почти буквально совпадают с эвенкийскими (ср. №№ 11, 14, 17, 18, 19, 33, 34, 41, 42, 48, 49, 72, 73, 85), чем с маньчжурскими (ср. №№ 24 (ма., уд. *ᶑ-*), 79). Это обстоятельство свидетельствует о более тесных связях удэгейского и эвенкийского, чем удэгейского и маньчжурского. Однако удэгейские глаголы имеют свою фонетическую и семантическую специфику, отличающую его от нанайского, эвенкийского и маньчжурского, что свидетельствует об его отдельном развитии от указанных языков (ср. №№ 7, 22, 24 (*ᶑ-*), 27, 39, 41, 42 (*пактан-*), 82, 89) в рамках общности близкой к эвенкийскому, а не маньчжурскому.

О том, что нанайский язык имеет более тесные связи с группой близкородственных языков эвенкийскому, свидетельствует и его большее сходство с удэгейским языком (ср. №№ 14, 17, 19, 24 (*ᶑнтэ-*), 33, 34, 42, 48, 69

(*туту-*)), чем с маньчжурским (ср. № 22). При том, что удэгейский обнаруживает большую близость к эвенкийскому чем к маньчжурскому.

Глаголы устойчивого словарного фонда свидетельствуют о большей близости нанайского языка к эвенкийскому. При этом обнаруживается влияние маньчжурского языка на нанайский. Из всех нанайских диалектов наибольшему влиянию подверглись говоры верхнеамурского диалекта.

Лингвистические данные хорошо согласуются с генетическими.

Были изучены две крупные современные родовые группы нанайцев России: *бельды* и *самагир* (*самар*), а также маньчжуры и нанайцы (*хэджэ*), проживающие в Китае [Богунов и др., 2018; Xue et al., 2005].

Был изучен полиморфизм Y-хромосомы для двух крупнейших родовых групп (*бельды*, N = 70 (носители среднеамурского диалекта); *самар*, N = 38 (носители нежнеамурского диалекта)) нанайцев. Почти весь (98%) генофонд *бельды* составлен вариантами трех гаплогрупп – “североевразийской” N3 (39%), “восточноевразийской” C2 (37%), “восточноазиатской” O (22%). У *бельды* преобладает специфичная для Приамурья субветвь N3a6-B479 (36%), достигающая в генофонде *самар* частоты 84%. В целом генофонды *бельды* и *самар* – вопреки данным этнографии – оказались сходными как между собой, так и по их генетической удаленности от других коренных народов Приамурья. На филогенетической сети STR-гаплотипов N3a четко выделились кластеры со 100%-ной родоспецифичностью: ни один из 70 представителей *бельды*, собранных по всему обширному ареалу нанайцев, не имеет с *самар* ни одного общего STR-гаплотипа N3a. Это позволило выдвинуть гипотезу о двух независимых путях миграции носителей N3a, разделенных во времени. На бóльшую древность кластера *самар* указывает высокое гаплотипическое разнообразие N3a и датировки кластеров STR-гаплотипов – для *самар* 1400 ± 500 лет, для *бельды* 800 ± 500 лет [Богунов и др., 2005].

На основании исследований делается вывод о том, что нанайцы (*бельды* и *самар*) России содержат гаплогруппы N3a, значительно отличающийся от гаплогруппы маньчжуров: C3c. Вместе с тем, следы гаплогруппы маньчжуров C3c обнаруживаются у нанайцев *хэджэ*.

Генетически носители верхнеамурского диалекта нанайцы (*хэджэ*) обнаруживают одну и ту же гаплогруппу с маньчжурами C3c [Xue et al., 2005], в то время как маньчжурская гаплогруппа C3c не обнаруживается у носителей средне- и нижнеамурского диалектов. В среднеамурском (*бельды*) выявляется гаплогруппа N3a, в нижнеамурском (*самар*) группа N3a, однако они не имеют общего STR-гаплотипа N3a [Богунов и др., 2005].

Таким образом, в верхнеамурском диалекте обнаруживается конвергенция между маньчжурами и нанайцами (*хэджэ*). В результате конвергенции происходило влияние маньчжурского языка на нанайский, и вместе с этим процессом потомки маньчжуров стали переходить на нанайский язык в местах расселения нанайцев.

В дальнейшем в генетических исследованиях нанайцев необходимо изучить и генофонд соседних народов, ср. очень интересную связь нивхского и нанайского слов: нивх. *н'иувн* ‘нивх’, ‘человек’ и нан. *наи*, *нај* ‘человек’

[Крейнович, 1955, с. 161], *Найхин* ‘название села в нанайском районе Хабаровского края, где *най* ‘человек’, а *-хин* возможно аффикс для обозначения растений, предметов быта и т.п.’.

Известно, что в эволюции языков происходят различные дивергентные процессы, которым нередко сопутствует конвергенция с родственными и не родственными языками.

Следует иметь в виду, что процессы конвергенции родственных и не родственных языков имеют существенное ограничение. Не возникают качественно отличные гибридные образования, не относящиеся к конвергируемому языку [Щербак, 2005, с. 128]. Вместе с тем, как бы далеко не заходили процессы конвергенции и смешения, всегда можно выделить то вполне конкретное и определённое, что образует основу смешанного языка [Щербак, 2005, с. 6].

Таким образом, если конвергентные процессы при взаимодействии родственных и неродственных языков не приводят к образованию смешанных (гибридных) языков, то ситуация конвергенции родственных языков не совсем однозначна.

В последнем случае смешение (гибридизация) не имеет никаких ограничений. Например, удэгейский и ороцкий языки с точки зрения И.В. Кормушина, а также центральная группа Z: удэгейский, ороцкий, (витимский, олёмкинский, токкинский, тунгирский говоры восточно-эвенкийского) от W/E/S/Z/L и Z: нанайский, ульчский (айанский, майинский, сахалинский, тоттинский, чумиканский говоры восточно-эвенкийского) от M, с позиций Г. Дёрфера.

Смешение (гибридизация) известны не только тунгусо-маньчжурским языкам, но и тюркским, в рамках алтайской языковой общности, образованной в результате процессов конвергенции.

В современных тюркских языках выявляется смешанная группа: северные диалекты алтайского, сарыг-югурский, хакасский, чулымский, шорский. Указанные языки образовались в результате смешения различных тюркских классификационных типов [Щербак, 1994, с. 39]. Однако можно обнаружить основу смешанного (гибридного) языка [Novgorodov et al., 2018; Novgorodov et al., 2020].

В русистике известен гибридный церковнославянский язык. Он представлен в житиях святых, поучениях, повестях, апокрифах, хронографах, летописях, в паломнической литературе и др. сочинениях, переведённых с греческого языка или создававшихся славянскими книжниками.

Изучение масштабных процессов конвергенции, выраженных смешением и гибридизацией родственных, а также пиджинизацией и креолизацией неродственных языков в терминах субстрата, суперстрата и адстрата в отечественном языкознании и языкового сдвига (language shift) в зарубежной лингвистике с применением меж- и междисциплинарных подходов как никогда актуальны в современном сравнительно-историческом языкознании в эпоху глобализации и научно-технической революции XXI века. Особенно актуальны эти исследования в связи с задачами изучения процессов

модернизации – изменений при переходе от традиционного к индустриальному, а затем информационному (постиндустриальному) обществу, который представлен совокупностью подпроцессов: демографическим переходом, структурной дифференциацией общества, индустриализацией и урбанизацией, становлением новых образовательных, коммуникативных, ценностно-мотивационных механизмов [История Якутии].

Процессы конвергенции, смешения, гибридизации, пиджинизации и креолизации являются основными в смене идентичности представителей традиционного общества. Теоретически смена идентичности может быть вызвана сменой какого-либо одного элемента, например, языка, религии, расового типа и др., или комплексно, то есть сменой разных элементов. В целом, конструктивными элементами идентичности популяций *homo sapiens*, кроме языка, религии, расового типа могут являться: культура (понимаемая как совокупность специфических человеческих способов сознательной деятельности и её результатов, выраженная обычаями, обрядами, типом хозяйства (охота и т.п.), образом жизни (осёдлый, кочевой, полукочевой), формами орудия труда, одежды и др.) [Садохин, 2005, с. 155-163], генотип (гаплогруппа, гаплотип, примеси), самосознание и самоназвание, рассматриваемые в совокупности.

Смена идентичности в результате действия конвергенции в сфере языка и генотипа происходила и происходит в обществах современного и древнего мира. В этом случае процесс смены идентичности традиционного общества в самом общем виде можно представить в виде следующих этапов: 1) влияние пришельцев на язык и генотип представителей традиционного общества; 2) двуязычие (многоязычие) представителей традиционного общества и их смешение с пришельцами, в результате чего образовывается отдельная идентичность (отдельные идентичности), проявляющаяся в виде говоров и диалектов, наличия новых гаплотипов и примесей в рамках традиционного общества; 3) постепенный переход представителей традиционного общества на язык пришельцев, абсорбация их гаплотипов; 4) образование нового общества со своей своеобразной уникальной идентичностью, языком и генотипом. Разумеется указанный процесс может прерваться на любом этапе.

Однако данное основное направление развития смены идентичности осложняется явлениями, в связи с возникновением, например, государственности. В рамках государственности процессы смены идентичности несколько сдерживаются, поскольку имеется стремление сохранить существующее положение дел, включая и национальную идентичность, в которой конструктивным дифференциальным признаком является родной язык. Язык, возведённый в статус государственного, всецело зависит от развитости конструктивных элементов самого государства.

Применительно к Российской Федерации развитие федерализма наиболее существенно, поскольку в ней проживают 143,9 миллионов россиян (начало 2015 г., оценка), включающих 193 (перепись 2010 г.) этнические общности. Причём современное развитие федерализма в России учитывает опыт советского федерализма в духе идей В.И. Ленина о праве наций на

самоопределение вплоть до их отделения и не развивает эту практику. По оценке Президента РФ В.В. Путина, В.И. Ленин в указанном положении заложил бомбу в основание СССР: «Так вот Ленин выступил за то, чтобы государство, Советский Союз, образовался на основе...полного равноправия с правом выхода из Советского Союза. И вот это и есть – мина замедленного действия под зданием нашей государственности» [РИА Новости].

В настоящее время в России развивается концепция гражданской нации, заключающая в себе грандиозную программу нациестроительства (nation-building) на основе граждан страны (согражданство), которые при этнических, религиозных и расовых отличиях начинают обладать общей идентичностью, общей исторической памятью и культурой, патриотизмом и солидарностью [Тишков, 2018].

В сопредельном России Китае, где обнаруживается несколько тунгусо-маньчжурских народов, в том числе *хэджэ*, а также большое количество других различных этнических общностей, идёт строительство „*чжунхуа миньцзу*“ – китайской нации. Государственная политика в целом позволяет поддерживать идентичность через сохранение традиционных праздников, элементов повседневной культуры. В настоящее время, например, *хэджэ* занимаются теми же видами хозяйственной деятельности, что и китайцы. К сожалению, такая интеграция привела к практически полной утрате языка. Возможно, с преобладанием ассимиляционных процессов произойдёт растворение *хэджэ* в создаваемой китайской нации – *чжунхуа миньцзу* [Чжан Цзяньвэнь, 2020, с. 282].

Указанные процессы могут быть приняты во внимание сторонниками различных современных теорий модернизации традиционного общества и трансформации государственных образований, например, возникших после распада СССР.

Возвращаясь к теме исследования, необходимо рассмотреть данные нанайского языка не только с точки зрения дивергенции, но и конвергенции.

Например, фонемный ряд, восходящий к реконструируемым пратунгусо-маньчжурским начальным согласным: **p*-, **x*- [Benzing, 1955, S. 32, 42], являющимся разграничительными признаками в разных систематизациях, можно изучать не только с позиций дивергенции, но и конвергенции.

Сомнения в реконструкции пратунгусо-маньчжурских согласных: **p*-, **x*- обоснованы наличием нерегулярных соответствий в современных языках. Кроме того, также обращает внимание присутствие целевых согласных на месте реконструируемого смычного согласного **p*- во всех языках кроме нанайского. Примеры:

эвенк. *хокто*, *сокто*, *окто*, эвен. *хоот*, нег., ороч., уд. *хокто*, ульч, орок., нан. *покто* нх, *фокто* к-у, бк ‘дорога’, ма. *окторон* ‘следы (зайца)’ [ССТМЯ, 1977, с. 331]. По всей видимости здесь должна быть пратунгусо-маньчжурская реконструкция в виде **pokto* ‘дорога’. Но для этой реконструкции есть препятствия в виде нерегулярности. В маньчжурском должен быть начальный целевой глухой согласный *ф*- в слове *окторон*, но этот звук не обнаруживается в этой позиции. С точки зрения регулярности фонетических соответствий в

маньчжурском должно было быть слово с начальным согласным *ф*- в виде *фокторон*. В нанайском имеются две формы: одна со смычным начальным *п*- (*покто*), а другая с щелевым начальным *ф*- (*фокто*). Форма *фокто* не типична для нанайского литературного языка. В эвенкийском наблюдается форма *сокто* вместо *нокто*;

эвенк., эвен. *од*-, ороч. *оди*-, *хоџи*-, уд. *вади*-, ульч. *ходи*-, орок. *хоџи*-, нан. *хоџи*- нх, *оџи*- к-у, ма. *ваџи*- ‘кончить, прекратить’ [ССТМЯ, 1977, с. 6]. Вероятнее всего здесь должна быть пратунгусо-маньчжурская реконструкция в виде **хоџи*- ‘кончить, прекратить’. Но для этой реконструкции есть препятствия в виде нерегулярности. В нанайском здесь должен быть представлен во всех говорах диалектов согласный *х*-, но в кур-урмийском говоре этого звука нет. В маньчжурском должен был быть 0- (ноль звука), но вместо него представлен звонкий щелевой согласный *в*-. Этот же звук выступает в удэгейском в виде *в*- вместо регулярного отсутствия согласного. В орочском наряду с регулярным соответствием 0- (ноль звука) выступает указанный согласный *х*-.

Следует отметить, что В.И. Цинциус объясняла нерегулярность фонетических соответствий наличием заимствованных слов, например, из ульчского (нанайского) в негидальский и удэгейский, с начальным смычным *п*-, который представлен в словах вместо щелевого согласного *h*- [Цинциус, 1949, с. 151]. По-видимому, в нанайском также происходят процессы конвергенции, смешения, гибридизации и заимствования, например, в случае одновременного сосуществования форм: среднеамурского *покто* и верхнеамурского *фокто* ‘дорога’. Форма *покто* со смычным глухим начальным согласным *п*- возникла в результате заимствования *фокто*. Происхождение нанайской формы *фокто* связано скорее всего с переносом маньчжурских произносительных норм в язык кур-урмийских и бикинских нанайцев в результате влияния языка маньчжуров на верхнеамурский диалект нанайцев. И здесь обнаруживается протетический начальный согласный *ф*-, а не этимологический звук. Субституция кур-урмийского и бикинского глухого щелевого согласного *ф*- найхинским смычным глухим *п*- произошла в условиях отсутствия акустико-артикуляционного аналога в последнем. Начальный смычный глухой согласный *п*- образовался довольно поздно в современных тунгусо-маньчжурских языках. Нужно иметь в виду, что качество смычного глухого начального согласного найхинского *п*-, являющегося звуком литературного нанайского языка, создаёт видимость исконного этимологического звука, а не вторичного консонанта, возникшего на базе субституции протетического щелевого глухого *ф*-. Таким образом, происхождение тунгусо-маньчжурского ряда начальных согласных в однокоренных словах, имеющих нерегулярное фонетическое соответствие (например: эвенк. *нокто*, *сокто*, *окто*, эвен. *ноот*, нег., ороч., уд. *нокто*, ульч, орок., нан. *покто* нх, *фокто* к-у, бк ‘дорога’, ма. *окторон* ‘следы (зайца)’; эвенк., эвен. *од*-, ороч. *оди*-, *хоџи*-, уд. *вади*-, ульч. *ходи*-, орок. *хоџи*-, нан. *хоџи*- нх, *оџи*- к-у, ма. *ваџи*- ‘кончить, прекратить’), связано с щелевой артикуляцией, а не смычной. Нужно иметь в виду, что щелевые согласные в случаях нерегулярных соответствий часто связаны с протетическими согласными.

Продолжая развивать идею о происхождении начального нанайского *n*- в результате субституции согласного *φ*-, можно сделать вывод о длительной конвергенции, смешении, гибридизации нанайского в результате влияния южного языка, основы маньчжурского. В результате этих процессов произошло заимствование слов с южным классификационным типом, с начальным *φ*- в нанайский язык, в котором они выступают с начальным смычным согласным *n*-, например: эвенк. *hāкин*, *āкин* ‘печень’ (ср. нан. к-у *хаки*), сол. *āхи*, эвен. *hākън*, нег., ороц., уд. *xāхин*, нан. нх *nā* (< ма. *фахун* > орок. *nāya*, ульч. *nā*) [ССТМЯ, 1977, с. 310].

Субституции в начальный глухой смычный согласный найхинский *n*- подвергается и русский глухой согласный начальный *φ*-: нан. *потаги* нх ‘керосин’, ср. *фотаги* бк, к-у id. < рус. *фотоген* ‘фотоген (керосин, горючая жидкость)’ [ССТМЯ, 1977, с. 45].

Сходный процесс субституции начального огубленного согласного происходит и в якутском языке. Например, в якутско-русских связях обнаруживается русская огубленная звонкая щелевая согласная протеза *в*-, которая отразилась в виде якутского огубленного звонкого смычного согласного *б*-: рус. *оспа* > *воспа* > як. *буоспа* ‘оспа’. В ситуации, когда нет ближайшего аналога иноязычному начальному щелевому звонкому огубленному согласному звуку *в*-, происходит его субституция на якутский огубленный звонкий смычный согласный *б*-, который является закономерным развитием пратюркского смычного глухого начального согласного **n*-.

Нерегулярное фонетическое соответствие тунгусо-маньчжурских начальных согласных, например: *n*-, *φ*-, *в*-, *с*-, *h*-, *х*-, *к*-, 0 (ноль звука) позволяет сделать заключение об их протетическом и субституциональном характере происхождения в лексических параллелях. Данная идея была высказана ещё С.М. Широкогоровым [Shirokogoroff, 1930]. Учёный, по существу критикуя «закон» Рамстедта-Пельо, объяснил тунгусо-маньчжурский консонантный ряд *n*-, *φ*-, *в*-, *с*-, *h*-, *х*-, *к*-, 0 (ноль звука), не реконструкцией двух разных празвуков **p*-, **x*-, как это делает Й. Бенцинг [Benzing 1955 : 32, 42], а билабиализацией и аспирацией: $k < x < h (< s) < ' < 0 > ' > w (> v \text{ и } f > p)$ [Shirokogoroff, 1930, p. 260].

О происхождении нерегулярности фонетического соответствия тунгусо-маньчжурских начальных согласных, например: *n*-, *φ*-, *в*-, *с*-, *h*-, *х*-, *к*-, 0 (ноль звука) в лексических параллелях прямо пишет А.М. Щербак: «По-видимому, нельзя считать окончательно раскрытой и природу среднемонгольского *h*, тунгусских *p*, *f*, *h*. Напомним, что ещё П.М. Мелиоранский говорил об «аттакировании» начального гласного придыханием» в одном из древних монгольских диалектов [6] и тем самым подчёркивал роль дополнительных артикуляций в начале слова, а С.М. Широкогоров, который был склонен относить к вторичным и тунгусские *p*, *f*, *h*, связывал, например, появление эвенкийского *h* с усилением инкурсии [7, с. 102-109]» [Щербак, 1989, с. 134].

С точки зрения протетического, а не первичного, этимологического происхождения тунгусо-маньчжурского соответствия начальных согласных: *n*-, *φ*-, *в*-, *с*-, *h*-, *х*-, *к*-, 0 (ноль звука) в лексических параллелях можно утверждать о

наличии двух противоположных ареалов. В первом происходят процессы формирования неогубленных протетических звуков, а во втором огубленных. С этой точки зрения южные тунгусо-маньчжурские древние и современные языки (чжурчженьский, маньчжурский) противопоставляются северным (все остальные). В таком случае нанайский язык относится к северным тунгусо-маньчжурским языкам, возникшим на базе пратунгусского промежуточного праязыка. Разделение на две первоначальные ветви подкрепляется и данными тунгусо-маньчжурской морфологии. Известно, что маньчжурский выделяется незначительным числом падежей и отсутствием притяжательных именных форм и личных форм глагола [Цинциус, 1949, с. 30].

Это деление в настоящее время подкрепляется генетическими данными маньчжуров и нанайцев, изложенными ранее. Эти выводы подтверждают различие нанайцев и маньчжуров на генетическом уровне и влиянии маньчжуров на нанайцев. В последнем случае подтверждается смешение (гибридизация) языка нанайцев материальными фактами. Идея происхождения нанайцев в результате влияния южных маньчжурских элементов на северные тунгусские образования была высказана ещё С.М. Широкогоровым [Shirokogoroff, 1930, p. 260].

В дальнейшем, в целях систематизации языков тунгусо-маньчжурских народов в виде генетической классификации, необходимо принимать во внимание и дивергенцию, и конвергенцию. О роли последней свидетельствуют факты происхождения западного наречия эвенского языка в результате перехода потомков якутов на эвенский язык, а также установленный в данной статье факт возникновения верхнеамурского диалекта вследствие перехода потомков маньчжуров на нанайский язык.

В последней связи изучение тунгусо-маньчжурских языков для установления генетической классификации необходимо исследование на уровне наречий и диалектов.

Состав современных тунгусо-маньчжурских языков также требует изучения. Современными учёными выявляются ранее не включённые в классификации языки: например, орокенский и сибирский.

Также установление генетической классификации предполагает изучение прежде всего современных языков, так как древние и мёртвые языки могут быть результатом пережитого состояния современных.

Conclusion (Заключение)

Исследование глаголов устойчивого словарного фонда, особенностей тунгусо-маньчжурских языков, учёт данных генетики маньчжуров и нанайцев, обзор процессов дивергенции и конвергенции (смешение, гибридизация) в сфере языка и идентичности на фоне вызовов глобализации и научно-технической революции современного мира, модернизации и трансформации традиционного общества позволяют сделать вывод о том, что нанайский язык в генетической классификации обнаруживает большую близость к близкородственным языкам (идиомам) эвенкийского и удэгейского, чем к маньчжурскому языку. Тем самым все таксоны эвенкийского, удэгейского и

нанайского противопоставлены маньчжурскому. Это обстоятельство формирует положение о бинарной системе современных тунгусо-маньчжурских языков, в которой, с одной стороны, представлены таксоны эвенкийского, удэгейского и нанайского языков, с другой – маньчжурского языка.

Библиографический список

- Аврорин, В.А.* Грамматика нанайского языка. Том I. Москва-Ленинград, Издательство Академии наук СССР, 1959. 283 с.
- Богунов, Ю.В., Жабагин, М.К., Богунова, А.А., Каменщикова, Е.Н., Мальцева, О.В., Беленикин, М.С., Короткова, Н.А., Дамба, Л.Д., Юсупов, Ю.М., Янковский, Н.К., Балановский, О.П., Балановская, Е.В.* Генофонд коренных народов Дальнего Востока: генетическая реконструкция происхождения нанайских родов (бельды и самар) // *Генетика*. Т. 54, № 13, 2018. С. 99-102.
- Василевич, Г.М.* Эвенкийско-русский словарь. М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 802 с.
- Дёрфер, Г.* Базисная лексика и алтайская проблема // *Вопросы языкознания*, 1981, № 4. С. 35-44.
- История Якутии*. Т. 3. [Электронный ресурс]. – 2020 URL: <https://yakutia.science/project/sakha-history/3> (дата обращения: 31.08.2021).
- Клоусон, Дж.* Лексикостатистическая оценка алтайской теории // *Вопросы языкознания*. 1969. №5. С. 22-41.
- Комри, Б.* Язык и доистория: к междисциплинарному подходу // *Вопросы языкознания*. 2000. № 5. С. 28-31.
- Кормушин, И.В.* Тунгусо-маньчжурские языки // *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы*. С. 153-167. М., Наука, 1982. 343 с.
- Крейнович, Е.А.* Гиляцко-тунгусо-маньчжурские параллели // *Доклады и сообщения института языкознания АН СССР*, 1955. № 8. С. 135-167.
- Новгородов, И.Н.* Устойчивый словарный фонд в генетической классификации на примере восточного наречия эвенского языка // *Международный информационно-аналитический журнал «Stede Experto: транспорт, общество, образование, язык»*. 2021. Выпуск 2. С. 36-50
- Певнов, А.М.* О древних тюркизмах в тунгусо-маньчжурских языках // *Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан*. Составитель Э.И. Сафина. С. 193-196. Издательство: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, 2019. 320 с .
- РИА Новости*. Путин пояснил свои слова о том, что идеи Ленина разрушили СССР. 25.01.2016 г. [Электронный ресурс]. – 2016 URL: <https://ria.ru/20160125/1365138857.html> (дата обращения: 31.08.2021).
- Садыхин, А.П.* Этнология: учебник. 2-е издание переработанное и дополненное. М., Гардарики, 2005. 287 с.
- Старостин, С.А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., Наука, 1991. 296 с.
- Суник, О.П.* Тунгусо-маньчжурские языки // *Языки мира: монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык*. М., Издательство «Индрик», 1997. 408 с.
- Тишков, В.А.* Как нам построить общество равных, разных, солидарных наций и народностей. Независимая газета. 27.02.2018. [Электронный ресурс]. – 2018 URL: https://www.ng.ru/stsenarii/2018-02-27/9_7180_formula.html (дата обращения: 31.08.2021).

- Цинциус, В.И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, Ленинградское отделение, 1949. 342 с.
- Чжан Цзяньвэнь.* Влияние китайской культуры на формирование языка и письменности нанайцев на Дальнем Востоке // Мир науки, культуры и образования. 2020. №2 (81). С. 280-283.
- Щербак, А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., Наука, 1970. 210 с.
- Щербак А.М.* Рецензия на Doerfer G. *Mongolo-Tungusica*. – Wiesbaden, 1985. 307 S. // Вопросы языкознания. 1989. № 6. С. 132-135.
- Щербак, А.М.* Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., Наука, 1994. 191 с.
- Щербак, А. М.* Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб., ИЛИ РАН, 1997. 292 с.
- Щербак А.М.* Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб., Наука, 2005. 195 с.
- Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык.* М., Издательство «Индрик», 1997. 408 с.
- Benzing, J.* Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1955. 151 S.
- Doerfer, G.* Classification problems of Tungus. In: Weiers M. (eds.), *Tungusica*. Bd. 1. Beiträge zur nordasiatischen Kulturgeschichte. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1978. Pp. 1-26.
- Doerfer, G.* *Mongolo-Tungusica*. Wiesbaden, 1985. 307 S.
- Fengxiang, L. and Lindsay, J. W.* Loan words in Oroqen, a Tungusic language of China. Loan words in the world's languages: a comparative handbook / edited by Martin Haspelmath and Uri Tadmor. Berlin, Walter de Gruyter, 2009. Pp. 526-541.
- Georg, S.* Unreclassifying Tungusic // Proceedings of the First International Conference on Manchu-Tungus Studies Bonn, August 28 - September 1, 2000: Trends in Tungusic and Siberian Linguistics (Tunguso-Sibirica). Wiesbaden, Otto Harrassowitz; December 31, 2004. 192 pages. Pp. 45-57.
- Ikegami, J.* Versuch einer Klassifikation der tungusischen Sprachen // Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Völker. Berlin : Akademic Verlag, 1974. S. 271-272.
- Ki-moon Lee.* Manchu-Tungus loanwords in Korean // (1991) *Altai Hakpo*. Journal of the Altaic society of Korea. 03 : 23-34.
- Lindsay J. W., Lenore A. G. and Fengxiang Li.* Revisiting Tungusic classification from the bottom up: A comparison of Evenki and Oroqen // *Language*. Vol. 75, No. 2 (Jun., 1999). Pp. 286-321.
- Novgorodov, I., Efremov, N., Ivanov, S. and Lemskaya, V.* A Relationship of Chulym Turkic to the Peripheral and Uralian Kipchak Languages According to the Leipzig–Jakarta List // Proceedings of the XVIIth International Conference on Linguistic and Cultural Studies (LKTI 2017), October 11–13, 2017, Tomsk, Russia. *Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations // Advances in Intelligent Systems and Computing* 677, (2018). Pp. 286-295.
- Novgorodov, I., Nazmutdinova, T., Petrov, A., Zaksor, L., and Nesterova, E.* The Arctic Altaic languages // Proceedings of the Conference “Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives”, 25-27 March 2020, St. Petersburg, Russia // *Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 131. Springer Nature Switzerland AG (2020). Pp. 1108-1116.
- Poppe, N.* Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, Suomalai-Ugrilainen Seura, 1955. 300 p.
- Robbeets, M.* Diachrony of Verb Morphology. Japanese and the Transeurasian Languages. Berlin/Boston, Walter de Gruyter GmbH, 2015. 550 p.
- Shirokogoroff, S.* Notes on bilabialization and aspiration of the vowels in the Tungus languages // *Rocznik orjentalistyczny: Odbitka*. T. VII. Lwow, 1930. Pp. 235-263.

Tadmor, U. Loanwords in the world's languages: findings & results // Loanwords in the world's languages: a comparative handbook / edited by Martin Haspelmath, Uri Tadmor. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co., 2009. 1081 p.

Vovin, A. Towards a new classification of Tungusic languages // *Evroasian Studies Yearbook* 65 : 99-113, 1993.

Vovin, A. Why Manchu and Jurchen look so non-Tungusic? History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle East Studies in Honour of John E. Woods. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2006. 604 pages. Pp. 73-84.

Vovin, A. Korean loanwords in Jurchen and Manchu // (2007) *Altai Hakpo. Journal of the Altaic society of Korea.* 17 : 73-84.

Xue, Y., Zerjal, T., Bao, W., Zhu, S., Lim, S.-K., Shu, Q., Xu, J., Du, R., Fu, S., Li, P., Yang, H. and Tyler-Smith, Ch. Recent Spread of a Y-Chromosomal Lineage in Northern China and Mongolia // *American Journal of Human Genetics*, 77: 1112-1116 (2005).

Лексикографические источники

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Отв. редактор В.И.Цинциус. Л., Наука, Т. I, 1975. Т. II, 1977 [ССТМЯ, 1975, 1977].

Роббек, В.А., Роббек, М.Е. Эвенско-русский словарь. Эвэды-нючиды төрэрүк. Новосибирск, Наука, 2005. 356 с. [ЭРС, 2005].

Санжеев, Г.Д., Орловская, М.Н., Шевернина, З.В. Этимологический словарь монгольских языков / Главный редактор Г.Д. Санжеев, редакторы Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман. Москва, Институт Востоковедения РАН, Т. II, G- P, 2015. 232 с. [ЭСМЯ, 2015].

Abbreviations (Сокращения)

бао. – баоаньский язык

бур. – бурятский язык

даг. – дагурский язык

др.-тюрк. – язык памятников древнетюркской письменности

дунс. – дунсянский язык

калм. – калмыцкий язык

кор. – корейский язык

ма. – маньчжурский язык

*монг. – монгольский праязык

монг. – монгольский язык

мнгр. – монгорский язык

м.-п. – монгольский письменный язык

нан. – нанайский язык

нег. – негидальский язык

нивх. – нивхский язык

орд. – ордосский язык

орок. – орокский язык

ороч. – ороцкий язык

рус. – русский язык

сиб. – сибирский диалект маньчжурского языка

сол. – солонский язык

ср.-монг. – среднемонгольский язык

*тюрк. – тюркский праязык

*т.-ма. – тунгусо-маньчжурский праязык

уд. – удэгейский язык

ульч. – ульчский язык

ЭВЕН. – ЭВЕНСКИЙ ЯЗЫК
ЭВЕНК. – ЭВЕНКИЙСКИЙ ЯЗЫК
ЯК. – ЯКУТСКИЙ ЯЗЫК

References

- Avrorin, V.A.* Grammatika nanajnskogo yazyka [Nanai grammar]. Tom I. Moskva-Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. 283 p. (in Russian)
- Benzing, J.* Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1955. 151 S.
- Bogunov, YU.V., ZHabagin, M.K., Bogunova, A.A., Kamenshchikova, E.N., Mal'ceva, O.V., Belenikin, M.S., Korotkova, N.A., Damba, L.D., YUsupov, YU.M., YAnkovskij, N.K., Balanovskij, O.P., Balanovskaya, E.V.* Genofond korennyh narodov Dal'nego Vostoka: geneticheskaya rekonstrukciya proiskhozhdeniya nanajskih rodov (bel'dy i samar) [The gene pool of the indigenous peoples of the Far East: genetic reconstruction of the origin of the Nanai clans (Beldy and Samar)] // *Genetika*. T. 54, № 13, 2018. Pp. 99-102.
- CHzhan Czyan'ven'.* Vliyanie kitajskoj kul'tury na formirovanie yazyka i pis'mennosti nanajcev na Dal'nem Vostoke [The influence of Chinese culture on the formation of the Nanai language and writing in the Far East]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya*. 2020. №2 (81). Pp. 280-283. (in Russian)
- Cincius, V. I.* Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskih yazykov [Comparative phonetics of the Tungus-Manchu languages]. – L.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, Leningradskoe otdelenie, 1949. – 342 s. (in Russian)
- Clauson, G.* Leksikostatisticheskaya ocenka altajskoj teorii [Lexicostatistical assessment of the Altai theory] // *Voprosy yazykoznanija*, 1969, №5. Ss. 22-41. (in Russian)
- Comrie, B. Y.* Yazyk i doistoriya: k mnogodisciplinarnomu podhodu [Language and prehistory: towards a multidisciplinary approach] // *Voprosy yazykoznanija*, 2000, № 5. Ss. 28-31. (in Russian)
- Doerfer, G.* Classification problems of Tungus. In: Weiers M. (eds.), *Tungusica*. Bd. 1. Beiträge zur nordasiatischen Kulturgeschichte. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1978. Pp. 1-26.
- Doerfer, G.* Bazisnaya leksika i altajskaya problema [Basic vocabulary and the Altai problem] // *Voprosy yazykoznanija*, 1981, № 4. Pp. 35-44. (in Russian)
- Doerfer, G.* *Mongolo-Tungusica*. Wiesbaden, 1985. 307 S.
- Fengxiang, L. and Lindsay, J. W.* Loan words in Oroken, a Tungusic language of China. Loan words in the world's languages: a comparative handbook / edited by Martin Haspelmath and Uri Tadmor. Berlin, Walter de Gruyter, 2009. Pp. 526-541.
- Georg, S.* Unreclassifying Tungusic // *Proceedings of the First International Conference on Manchu-Tungus Studies Bonn, August 28 - September 1, 2000: Trends in Tungusic and Siberian Linguistics (Tunguso-Sibirica)*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz; December 31, 2004. 192 pages. Pp. 45–57.
- Ikegami, J.* Versuch einer Klassifikation der tungusischen Sprachen // *Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Volker*. - Berlin : Akademik Verlag, 1974. – S. 271-272.
- Istoriya Yakutii* [A history of Yakutia]. T. 3. [Electronic resource] URL: <https://yakutia.science/project/sakha-history/3> (date of the application 31/08/2021) (in Russian)
- Ki-moon Lee.* Manchu-Tungus loanwords in Korean // (1991) *Altai Hakpo. Journal of the Altaic society of Korea*. 03 : 23-34.
- Kormushin, I.V.* Tunguso-man'chzhurskie yazyki // *Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie yazykov raznyh semej. Zadachi i perspektivy* [Tungus-Manchu languages // Comparative-historical study of languages of different families. Challenges and prospects]. Pp. 153-167. M., Nauka, 1982. 343 s. (in Russian)

- Krejnovich, E.A.* Gilyacko-tunguso-man'chzhurskie paralleli // Doklady i soobshcheniya instituta yazykoznanija AN SSSR [Gilyak-Tungus-Manchu parallels // Reports and messages of the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR], 1955. № 8. Pp. 135–167. (in Russian)
- Lindsay J. W., Lenore A. G. and Fengxiang Li.* Revisiting Tungusic classification from the bottom up: A comparison of Evenki and Oroqen // *Language*. Vol. 75, No. 2 (Jun., 1999). Pp. 286-321.
- Novgorodov, I., Efremov, N., Ivanov, S. and Lemskaya, V.* A Relationship of Chulym Turkic to the Peripheral and Uralian Kipchak Languages According to the Leipzig–Jakarta List // *Proceedings of the XVIIth International Conference on Linguistic and Cultural Studies (LKTI 2017)*, October 11–13, 2017, Tomsk, Russia. *Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations // Advances in Intelligent Systems and Computing* 677, (2018). Pp. 286-295.
- Novgorodov, I., Nazmutdinova, T., Petrov, A., Zaksor, L., and Nesterova, E.* The Arctic Altaic languages // *Proceedings of the Conference “Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives”*, 25-27 March 2020, St. Petersburg, Russia // *Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 131. Springer Nature Switzerland AG (2020). Pp. 1108-1116.
- Novgorodov, I.N.* Ustojchivyy slovarnyj fond v geneticheskoj klassifikacii na primere vostochnogo narechiya evenskogo yazyka // *Mezhdunarodnyj informacionno-analiticheskij zhurnal «Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk»* [The Leipzig-Jakarta list in genetic classification on the example of the eastern dialect of the Even language // *International information and analytical journal "Crede Experto: transport, society, education, language"*], 2021. Issue 2. Pp. 36-50. (in Russian)
- Pevnov, A.M.* O drevnih tyurkizmah v tunguso-man'chzhurskih yazykah // *Tyurkskoe yazykoznanie XXI veka: leksikologiya i leksikografiya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu sozdaniya Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova Akademii nauk Respubliki Tatarstan* [About ancient Türkisms in the Tungus-Manchu languages // *Türkic linguistics of the XXI century: lexicology and lexicography. Materials of the international scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the establishment of the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan*]. Compiled by E.I. Safina. Pp. 193-196. Publisher: Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov, 2019. 320 c. (in Russian)
- Poppe, N.* Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, Suomalai-Ugrilainen Seura, 1955. 300 p.
- RIA Novosti.* Putin poyasnil svoi slova o tom, chto idei Lenina razrushili SSSR [Putin explained his words that Lenin's ideas destroyed the USSR]. 25.01.2016. [Electronic resource] URL: <https://ria.ru/20160125/1365138857.html> (date of the application 31/08/2021) (in Russian)
- Robbeets, M.* Diachrony of Verb Morphology. Japanese and the Transeurasian Languages. Berlin/Boston, Walter de Gruyter GmbH, 2015. 550 p.
- Sadohin, A.P.* Etnologiya: uchebnik. 2-e izdanie pererabotannoe i dopolnennoe [Ethnology: textbook. 2nd edition revised and enlarged]. M., Gardariki, 2005. 287 p. (in Russian)
- SHCHerbak, A.M.* Sravnitel'naya fonetika tyurkskih yazykov [Comparative phonetics of the Turkic languages]. L., Nauka, 1970. 210 p. (in Russian)
- SHCHerbak A.M.* Recenziya na Doerfer G. Mongolo-Tungusica. – Wiesbaden, 1985. 307 S. [Review of Doerfer G. Mongolo-Tungusica. - Wiesbaden, 1985.307 S.] // *Voprosy yazykoznanija*. 1989, № 6. Pp. 132-135. (in Russian)
- SHCHerbak A.M.* Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie tyurkskih yazykov [Introduction to the Comparative Study of Turkic Languages]. SPb, Nauka, 1994. 191 p. (in Russian)
- SHCHerbak, A. M.* Rannie tyurko-mongol'skie yazykovye svyazi (VIII–XIV vv.) [Early Turkic-Mongolian linguistic ties (VIII-XIV centuries)]. SPb, ILI RAN, 1997. 292 p. (in Russian)
- SHCHerbak A.M.* Tyurksko-mongol'skie yazykovye kontakty v istorii mongol'skih yazykov [Turkic-Mongolian linguistic contacts in the history of the Mongolian languages]. SPb, Nauka, 2005. 195 p. (in Russian)
- Shirokogoroff, S.* Notes on bilabialization and aspiration of the vowels in the Tungus languages // *Rocznik orjentalistyczny: Odbitka*. T. VII. Lwow, 1930. Pp. 235-263.

- Starostin, S. A.* Altajskaya problema i proiskhozhdenie yaponskogo yazyka [The Altaic problem and an origin of the Japanese language]. M.: Nauka, 1991. 296 s. (in Russian)
- Sunik, O. P.* Tunguso-man'chzhurskie yazyki // YAzyki mira: mongol'skie yazyki. Tunguso-man'chzhurskie yazyki. YAponskij yazyk. Korejskij yazyk [Languages of the World: the Mongolian Languages. The Tungus-Manchu languages. The Japanese language. The Korean language]. M.: Izdatel'stvo "Indrik", 1997. 408 c. (in Russian)
- Tadmor, U.* Loanwords in the world's languages: findings & results // Loanwords in the world's languages: a comparative handbook / edited by Martin Haspelmath, Uri Tadmor. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co., 2009. 1081 p.
- Tishkov, V.A.* Kak nam postroit' obshchestvo ravnyh, raznyh, solidarnyh nacij i narodnostej. Nezavisimaya gazeta [How can we build a society of equal, different, solidarity nations and nationalities? Independent newspaper]. 27.02.2018. [Electronic resource] URL: https://www.ng.ru/stsenarii/2018-02-27/9_7180_formula.html (date of the application 31/08/2021) (in Russian)
- Vasilevich, G. M.* Evenkijsko-russkij slovar' [Evenki-Russian dictionary]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1958. 802 p. (in Russian)
- Vovin, A.* Towards a new classification of Tungusic languages // *Evroasian Studies Yearbook* 65 : 99-113, 1993.
- Vovin, A.* Why Manchu and Jurchen look so non-Tungusic? History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle East Studies in Honour of John E. Woods. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2006. 604 pages. Pp. 73-84.
- Vovin, A.* Korean loanwords in Jurchen and Manchu // (2007) *Altai Hakpo. Journal of the Altaic society of Korea.* 17 : 73-84.
- Xue, Y., Zerjal, T., Bao, W., Zhu, S., Lim, S.-K., Shu, Q., Xu, J., Du, R., Fu, S., Li, P., Yang, H. and Tyler-Smith, Ch.* Recent Spread of a Y-Chromosomal Lineage in Northern China and Mongolia // *American Journal of Human Genetics*, 77: 1112-1116 (2005).
- YAzyki mira: Mongol'skie yazyki. Tunguso-man'chzhurskie yazyki. YAponskij yazyk. Korejskij yazyk* [Languages of the World: Mongolian Languages. Tungus-Manchu languages. Japanese language. Korean language]. M., Izdatel'stvo «Indrik», 1997. 408 p. (in Russian)

Lexicographic sources

- Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih yazykov: Materialy k etimologicheskomu slovarju* [A Comparative Dictionary of the Tungus-Manchu Languages: Materials for the Etymological Dictionary.] / Otv. redaktor V.I.Cincius. – L.: Nauka, T. I, 1975, T. II, 1977 [SSTMYA 1975, 1977]. (in Russian)
- Robbek, V.A., Robbek, M.E.* Evensko-russkij slovar'. Evedy-nyuchidy toreruk [An Even Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2005. 356 p. [ERS, 2005]. (in Russian)
- Sanzheev, G.D., Orlovskaya, M.N., Shevernina, Z.V.* Etimologicheskij slovar' mongol'skih yazykov [Etymological Dictionary Mongolian languages] / G.D. Sanzheev, L.R. Koncevich, V.I. Rassadin, YA.D. Leman (eds.). Moskva, Institut Vostokovedeniya RAN, T. II, G- P, 2015. 232 p. [ESMYA, 2015]. (in Russian)